

УДК 82.0+821.161.3

**СОЦИАЛЬНЫЙ МИФ ПРОТИВ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА
В РОМАНЕ М. ГОРЕЦКОГО «ВИЛЕНСКИЕ КОММУНАРЫ»***канд. филол. наук, доц. М.М. ИОСКЕВИЧ**(Гродненский государственный университет им. Янки Купалы)**marioskevich@yandex.ru*

Определяется отношение к социальному мифу в рамках триады «автор – герой-рассказчик – читатель» на материале романа М. Горьцкого «Виленские коммунары». С одной стороны, роман занимает позицию сервиллизма по отношению к существующему в момент его создания социальному мифу о национальном вопросе как вторичном по отношению к вопросу о политической направленности, о революции как необходимом событии в построении справедливого общества. С другой стороны, повествование от первого лица позволяет автору романа дистанцироваться от точки зрения рассказчика-большевика, которую, очевидно, прежде разделял и сам автор. Читатель советской эпохи принимал данную точку зрения, тогда как современный читатель, обладая иным мировоззрением и историческим знанием, рассматривает ее критически и выстраивает собственное отношение к событиям романа. Современная особенность восприятия «Виленских коммунаров» заключается в том, что идея национального самоопределения является социальным мифом для рассказчика-большевика, тогда как для читателя наших дней очевидна утопичность революционных идей.

Ключевые слова: *социальный миф, национальный вопрос, триада «автор – герой-рассказчик – читатель».*

Введение. Как известно, время меняет парадигму читательского восприятия. Культурно-исторические события способны сформировать иную точку зрения по отношению к прошлому, изменить национальную систему ценностей. Мнение читателя-потомка может кардинально отличаться от мнения читателя-современника. Данный факт особенно справедлив по отношению к произведениям, созданным в эпоху активного внедрения социального мифа в читательское сознание.

Белорусский роман возник именно в такую эпоху: 1930-е гг. являлись сложнейшими годами для творческой интеллигенции. Белорусское национальное возрождение, возведенное в ранг культурной политики, сменилось периодом террора и репрессий, травлей так называемых «националистов». Преследования велись на фоне формирования социального мифа о справедливом общественном устройстве. В широком понятии социальный миф – это обобщенное иллюзорное представление о действительности, осуществляющее большое влияние на массовое сознание.

П.С. Гуревич дает более узкое определение социального мифа как особого вида духовной деятельности по созданию, распространению и поддержанию политических иллюзий, умышленно вырабатываемых правящей элитой для воздействия на массы [1, с. 9]. Как все тоталитарные государства, «Советский Союз представлял себя обществом, находящимся в начале “нового мира” или “новой эры”. Из этого активно проповедуемого государственной идеологией взгляда на мир проистекало чувство новизны, перспективы “светлого будущего”. Доверие к будущему возбуждало массовый энтузиазм и позволяло переносить лишения» [2].

Один из первых белорусских романов «Виленские коммунары» создавался М. Горьким в условиях ссылки, где писатель оказался в результате доноса. В 1933 г. рукопись была выслана в Минск, однако осталась неопубликованной. Впервые роман увидел свет только в 1963 г. в журнале «Полюмя». С тех пор он привлекает неустанный интерес читателей и литературоведов. Как полагает О. Губская, автор «Виленских коммунаров» «принадлежит к числу тех выдающихся деятелей белорусской культуры, наследие которых требует постоянного нового прочтения, соответствующего мировоззрению современного общества, которое все стремительно развивается» [3, с. 144]. Анализируя литературоведческую историю восприятия романа, О. Губская замечает, что 1960–1980 гг. отмечены «определенной односторонностью восприятия произведения, так как практически единогласно тогда утверждалось, что эстетической задачей писателя было создание образа коммуниста, который воплотит в жизнь новые социальные и политические основы, а сам роман – суровая летописная правда о борьбе за октябрьскую победу» [3, с. 146]. Между тем, «начиная с 1980 гг. уже наблюдается динамика в восприятии романа» [3, с. 147].

Как полагают исследователи, роман необходимо рассматривать «сквозь призму автобиографичности» [3, с. 147], ведь «документальную точность произведения подтверждали и сами участники событий на Вороньей улице» [3, с. 146]. Повествование в романе ведется от первого лица. Известно, что данная

форма способствует доверительному отношению читателя, однако предполагает значительную долю субъективизма рассказчика в изложении событий, вероятную дистанцию его точки зрения от авторской.

Цель данного исследования – выявить отношение к социальному мифу в рамках триады «автор – герой-рассказчик – читатель» на материале романа М. Горьцкого «Виленские коммунары». Раскрыть цель исследования представляется возможным путем анализа отражения социального мифа в повседневности, изображенной в художественном тексте.

Понятием «повседневность» оперирует, в первую очередь, история, а также такие науки, как культурология, психология и антропология. В целом, относительно невелико количество литературоведческих работ, посвященных теоретическим вопросам проблемы повседневности. Вне всяких сомнений, исследование повседневности в художественном тексте не должно сводиться к анализу лишь бытовой стороны жизни персонажей. Как указывает В.Д. Лелеко, «изучение повседневности на современном этапе характеризуется обращением к ментальному уровню – идеалам, стереотипам сознания, ценностным ориентациям, как они проявляются в повседневной жизни» [4].

Как мы полагаем, под повседневностью в художественном тексте необходимо понимать изображение устойчивых, регулярно повторяющихся (возобновляемых) жизненных практик персонажа либо группы персонажей (социальной группы, общности, нации и т.д.), локализуемых в определенном времени и пространстве. Повседневность предстает как составляющая художественного мира произведения, ответственная за реалистическое воспроизведение вымышленной реальности. Понятие «повседневность» неразрывно связано с системой персонажей художественного произведения.

Жизненный мир персонажа, или я-повседневность, состоит из личного и социального пространств. Социальное пространство определяется обязанностями перед государством и включает в себя общественную и профессиональную деятельность. Личное пространство – это пространство остальных форм жизнедеятельности, помимо общественной и профессиональной, к которым относятся, например, отношения с семьей и друзьями. В жизненных мирах происходит преломление официальных ценностей эпохи (как составляющих социального мифа) и формирование системы реальных личностных ценностей персонажа или различных групп персонажей, которые могут принимать либо отвергать официальную точку зрения.

Раскрытие системы ценностей персонажа происходит на ментальном, вербальном, поведенческом и бытовом уровнях изображения. На этих же уровнях проявляются и социальные мифологемы. Таким образом, задачей исследователя является определение авторских интенций через анализ систем ценностей персонажей, причин их совпадения либо несовпадения с существующими идеологическими установками [5, с. 28].

Основная часть. Рассказчик Матей Мышка раскрывает перед читателем свою родословную, судьбу прадеда, деда и отца. Прадед, «назло помещику», повесился в лесу «на горькой осине». Дед, выучившись писать, проиграл тяжбу за землю и был сослан в Сибирь. Подробнее Матей останавливается на событиях жизни своего отца, Михася Мышки. Перед читателем проходит смена повседневностей в царской империи, типичных для ребенка крестьянина, отданного в город учиться ремеслу. С позиции очевидца автор описывает издевательства над детьми, тяжелый труд рабочих, невыносимые условия труда.

Судьба приводит Михася Мышку в Вильно, который и является основным социальным пространством главных героев. Вильно – красивейший город, которому «не годится в подметки» даже Минск, где остро ощущается социальное расслоение. К революционерам отец Матея попадает не по внутреннему сформировавшемуся убеждению, а по «приглашению в гости». За участие в революционном движении Михася Мышку ссылают на пять лет в Иркутск.

Матей остается без отца и поступает в обучение к сапожнику. Личная жизнь героя становится фоном для изображения повседневного Вильно в предреволюционную эпоху. В жизни горожан, как и по всей Российской Империи, явно обозначены классовые противоречия. Матей, сына кухарки, не пускают в панские покои, запрещают играть с сыном хозяев. Подрастая, мальчик замечает не только классовые, но и национально-религиозные противоречия, которые тесно переплетены с нарастающим революционным движением. Четыре нации предъявляют на Вильно свои права: литовцы, поляки, русские и белорусы. Националисты зачастую маскируют свою пропаганду под деятельность революционных кружков, которые имеют большое влияние на рабочих. Так, первый кружок, который посещает отец Матея, оказывается средством продвижения литовского национализма: «наш край – Литва, а мы – литовцы, только сильно ополчились или сильно обрусели» [6, с. 355].

Сам Матей попадает под воздействие польской пропаганды, когда соглашается стать учеником студента-поляка. Студент выстраивает обучение так, что все предметы сводятся к раскрытию польской национальной идеи: «Диктовал тут же пришедшие в голову предложения, вроде “Нех жые Польшка! Нех квитне Польшка! Польшка бэндзе от можа до можа!” В задачках были польские купцы, они ездили польскими милями, торговали польским сукном на польские золотые. Рассказывал кое-что из истории; в этих

рассказах польские короли и гетманы всегда били и москалей, и казаков, и турок, и татар, и немцев, а их никто никогда не бил...» [6, с. 375]. «Польскому образованию» сына очень способствовала мать Анэля, которая хотела, чтобы Матей писал отцу в Иркутск письма по-польски. Самому мальчику это казалось смешным, ведь в их семье разговаривали на белорусском. Матери же, очевидно, письма на польском, «господском» языке, представлялись более серьезными и внушительными. Любопытно, что когда Матей решает подработать учителем на селе, крестьяне требуют учить детей по-польски и особенно уделять внимание молитвам. Именно религиозное воспитание ставится во главу угла, что также является не чем иным, как пропагандой принадлежности к той или иной религиозной конфессии, требующей покорности, смирения.

В школе, а после в двухлетнем училище читать и писать учили на государственном языке – по-русски. Но Матей был исключен из училища за участие в акции по «защите» польского костела. Борьба поляков и литовцев за право «закрепить» костел за собственной национальной общностью свидетельствует об остром национальном противостоянии. Готовится настоящее столкновение, разжигаемое националистами. Рассказчик не жалеет негативных эпитетов при описании толпы поляков, пришедших защитить святой костел: «богомольные ханжи с обезьяньими лицами», «краснорожие хозяйчики», «немытые мастера», «тупоголовая шляхта».

Царская власть решает этот «национальный вопрос», разогнав всех верующих конными казаками: «Гнали, молотя шашками плашмя и нагайками по их набожным и националистическим спинам, плачам и головам» [6, с. 378]. Приняв участие в шествии, Матей чувствовал себя героем в глазах хозяев-поляков, а на следующий день был назван директором, черносотенцем Богаткевичем, «неисправимым полячишкой» и выгнан из учебного заведения. «Учебу» пришлось продолжать у сапожника Вержбицкого, который выучил Матея сапожному мастерству.

Вержбицкий – добрый человек, заядлый читатель и актер-любитель, член Польской социалистической партии. Под его началом жизнь Матея складывается благоприятно, что свидетельствует о том, что не всегда обучение мастерству было «черной полосой» в судьбе подростка-подмастерья. Такой ремесленник-учитель во многом определял будущее ребенка, которого ему доверили на воспитание.

Белорусы, по мнению рассказчика, не уступают полякам и литовцам и также разворачивают националистическую деятельность, открыв Белорусский клуб на Виленской улице, 29. В клубе устраиваются небольшие концерты, песни, танцы и игры. Здесь «все заведено на белорусский народный лад». В клубе веселая и дружеская атмосфера, однако, по словам рассказчика, «я тогда не понимал, что таким путем белорусские националисты затягивают в свои сети “массу”» [6, с. 389]. Впрочем, рассказчик тут же противоречит себе – оказывается, самых главных предводителей белорусского национализма – братьев Луцкевичей, профессора Ивановского «мы там и в глаза не видели». Следовательно, клуб не использовался в качестве трибуны для пропаганды, а преследовал цели культурного белорусского возрождения.

Империалистическая война явилась событием, нарушившим устойчивое положение вещей и явившей новую повседневность. Перед приходом немцев проведена эвакуация, оставшиеся жители грабят склады и магазины. Вступление немцев в город – праздник для многих обывателей, которые встречают оккупантов цветами и конфетами. Они многого ждут от немцев – высококультурной хозяйственной нации: «– У немцев культура! – Промышленность поднимется!» [6, с. 397].

Приход немцев нарушает ожидания главного героя. Прежде немцы представлялись Матею «грузными, толстопузыми, белотельными» [6, с. 408]. На самом деле «в массе пехотинцев плелись и низкорослые, худые, с подтянутыми животами, замухрышки <...>. И много было некрасивых – и кривоносых, и с небольшими носами картошкой» [6, с. 408]. Это обманутое восприятие впоследствии отразится в разочаровании немецким порядком. Фактор телесности, представленный негативно, окажется созвучен ментальности оккупантов.

При немцах постепенно сокращается производство и рабочая сила. Немцы грабят и вывозят за пределы страны все, что возможно. Хозяйственность немцев направлена исключительно на благо собственной страны: «До чего все было хорошо, по-хозяйски поставлено и организовано!» [6, с. 420]. Эта фраза повторяется рассказчиком неоднократно, с помощью иронии раскрывая истинное положение дел.

Матей привлекается к принудительному труду на лесопильне. Перед читателем предстает повседневность рабочего, трудящегося на оккупантов: невыносимые условия труда, скудное питание, мизерная зарплата. Автор вновь подробно изображает повседневность рабочего (как в случае с отцом Матея на кожевенном заводе) с целью показать потребительское отношение оккупантов к захваченным территориям. «Высококультурные» немцы обращаются с рабочими пренебрежительно, называют их «свиньями». Предложение немецкого доктора есть не по-собачьи, а по-человечески, тщательно пережевывая пищу, звучит издевательством, потому что паек настолько мал, что есть фактически нечего.

Матею удастся бежать с лесопильни и вернуться в город. В Вильно при «хозяйственных» немцах начинаются голод и самоубийства. В сатирическом ключе представлено желание немцев «помочь» жителям Вильно справиться с голодом. К весне во всех дворах разбиты огороды. В городе буквально не оста-

ется пустующего клочка земли. Немцы раздают семена, разрешают пользоваться садовым инвентарем, распространяют листовки с практическими указаниями по садоводству. Кульминацией проявления «настойчивости» и «практичности» является необходимость пересчитать все грачиные гнезда и сдать подписку об ответственности за их разорение, поскольку всем грачам предписано попасть в солдатский котел. Горожане пытаются добыть пропитание в деревнях, которое безжалостно отбирается немецкими патрулями. Беднота ест собак, кошек, даже крыс. Вся же помощь немцев заключена в резолюции: «Выделить дополнительно еще одну лошадь для уборки трупов на улицах» [6, с. 443].

Безнаказанность по отношению к мирному населению способствует моральному разложению немецкой армии. Солдаты занимаются не столько военными делами, сколько коммерцией, продавая населению краденые казенные продукты и обмундирование.

С приходом немцев усиливается деятельность националистов, активно проводящих агитацию в рабочей среде. Принятие рабочими националистических идей названо рассказчиком «болезнью», которая «липнет к хилому организму». Национализму как негативному явлению противопоставляется интернационализм: «Я – рабочий. Я – интернационалист. Где я работаю – там и все мое» [6, с. 416]. Таким образом, в сознании рассказчика понятия «революционер», «рабочий», «интернационалист» неразрывно связаны с верной мировоззренческой идеей. По словам А.И. Вдовина, «в сознании социал-демократов быть интернационалистом значило отрешиться не только от национальных симпатий и антипатий, но и от национальности как таковой» [7, с. 10].

Все националисты ратуют за продвижение родного языка, культурных ценностей. По свидетельству Матей, к белорусскому языку многие рабочие относятся безразлично, даже – недоброжелательно. Только один рабочий Туркевич «всегда и везде, даже на улице, говорил по-белорусски, хотя польским языком владел отлично» [6, с. 416]. Эта любовь к белорусскому, по словам рассказчика, прочно «прилипла» к Туркевичу. С иронией описывает Матей и известную белорусскую поэтессу Алоизу Пашкевич (Тетку), которая во время войны занята созданием белорусского литературного языка, сбором белорусских словечек. Тетка, «с одной стороны, очень сильно затрагивает струны рабочего сердца, а с другой – и она нет-нет да ударится в национализм белорусский...» [6, с. 414]. Но, как считает Матей, «к здоровым рабочим никакая зараза не прилипала».

Равнодушие к белорусскому языку, как полагает А. Тарас, может объясняться следующей причиной: «белорусы в начале XX века стремились не белорусами, а “людьми зваться”. <...> “Социальная” мотивация резко преобладала над “национальной”» [8, с. 434].

Эта негативная точка зрения на национальный вопрос созвучна точке зрения основных идеологов партии большевиков – В.И. Ленина и И.В. Сталина. В довоенную программу партии РСДРП был включен пункт о праве наций на самоопределение. Как отмечает И.Б. Бочкарева, «поскольку партии социалистического толка боролись за права угнетенных классов, в первую очередь пролетариата, то наличие “угнетенных” народов, наций в эпоху колониализма делало это требование обязательным пунктом политической программы» [9].

Однако, по словам И.В. Сталина, «социал-демократия, и только она, могла сделать это, противопоставив национализму испытанное оружие интернационализма, единство и нераздельность классовой борьбы» [10]. Как полагал В.И. Ленин, «принцип национальности исторически неизбежен в буржуазном обществе, и, считаясь с этим обществом, марксист вполне признает законность национальных движений. Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно строжайше ограничивалось только тем, что есть прогрессивного в этих движениях, – чтобы это признание не велось к затемнению пролетарского сознания буржуазной идеологией. Борьба против всякого национального гнета – безусловно, да. Борьба за всякое национальное развитие, “национальную культуру” – безусловно, нет» [11].

Немцы избирают различную тактику взаимодействия с виленскими националистами: «с поляками они предпочитали вести чинные беседы, однако особенно помогать не хотели, видя в них извечных и довольно сильных врагов», с белорусами «нянчились и через свою газетенку “Гоман”, выходящую на белорусском языке, вбивали им в голову, что хорошо будет только в отдельном государстве – конечно же, под немецкой эгидой» [6, с. 447].

В 1918 г. немцы «немцы демонстративно приступили к созданию литовской “державы”» [6, с. 447]. Полулегальное собрание по вопросу принятия участия в «тарибе» – литовском государственном совете, называется рассказчиком «комедией», которая превращается в «драму» для рабочих. Рабочие заявляют, что не согласны с собранием и будут искать иных путей.

На «правильный путь», по мнению рассказчика, способна вывести исключительно Социал-демократическая партия (большевиков) Литвы, к которой примыкают Матей и его друзья. К слову, рассказчик не останавливается ни на основных положениях программы большевиков, ни на причинах, по которым рабочим следует идти за данной партией. Автор не видел необходимости в подобном разъяснении, поскольку ко времени создания романа данные факты уже стали основополагающей доктриной.

Между тем, большевики в романе вовсе не предстают непогрешимыми. На одном из митингов выступает «худенький господинчик», который рассказывает о том, что за принадлежность к польской нации «его арестовали, мучили в “чрезвычайке”», «большевики, растаскивая его добро, до смерти напугали дочку: бедная девочка заболела, стала как помешанная» [6, с. 475].

Польская партия христиан-демократов, пользуясь бедственным положением рабочих, заманивает их в свои ряды «вяленой рыбой, стаканом дешевого прокисшего повидла» [6, с. 454]. Материальные потребности, таким образом, зачастую определяют политическую направленность. По мнению рассказчика, масса несознательных рабочих отдает голоса за тех, кто дает пропитание. Фактор телесности, таким образом, определяет направление ментальности.

Среди крестьян также не наблюдается революционного настроения: «по деревням никто ничего не делал, люди сидели в стороне от событий, лишь бы никуда не лезть, лишь бы не быть замешанным в чем-либо. Э, пусть себе кто-то там что-то делает, наша хата с краю...» [6, с. 748]. Это типичная черта национального менталитета «тутэйших», спровоцированная разрозненным укладом жизни. Однако национальная рознь ощутима и в крестьянской среде: «крестьяне-белорусы никогда не любили поляков, крестьяне же католики, возможно, хотели бы быть в Польше, но записываться в легионы и не думали, они ждали скорейшего ухода немцев и прихода Красной Армии» [6, с. 478].

С приходом немцев виленским рабочим удается основать собственный клуб на Вороньей улице, где начинает работать столовая в помощь голодающим, проходят рабочие семейные вечеринки, занимаются драмкружок и хор. Этот клуб впоследствии становится центром большевистских сил. К слову, работа столовой в клубе аналогична деятельности христиан-демократов по снабжению рабочих продовольствием. Однако рассказчик этого не замечает. Все, что не связано с партией большевиков, изображается в негативном ключе.

Социальное пространство героя-рассказчика в романе неотделимо от его личного пространства. Классовое и социальное неравенство, скудность материальной базы обуславливают неустроенный быт, ломают судьбы родных. От голода умирают мать и младенец Юзи, оканчивает жизнь самоубийством Яня. Принадлежность к разным политическим партиям вносит разлад в отношения между рассказчиком и его отцом, вернувшимся из ссылки. Михась Мышка примкнул к меньшевикам, и герой осуждает отца: «Мне было так противно, что я даже собирался переехать с Юзей на другую квартиру» [6, с. 478].

Образ самого рассказчика предстает неоднозначным. Его личная система ценностей, обусловленная политическими взглядами, зачастую вступает в противоречие с общечеловеческой системой ценностей. Так, при вынужденных обстоятельствах Матей не считает зазорным украсть: «В конце двора, где лежали в штабелях двухметровые поленья, я выбрал кругляш себе по силам, осторожно вышел на улицу и со спокойной совестью зашагал домой» [6, с. 503]. Желание порадовать родных теплом уменьшает негативное восприятие его поступка, которое, к тому же, подается самим рассказчиком в юмористическом ключе.

Матей отказывается жениться на Юзе, хотя принимает от нее знаки внимания и подарки. Во время немецкой оккупации герой все-таки сходится с девушкой, несмотря на то, что она уже замужем за польским легионером. Юзя прерывает отношения с мужем, который мечтает «создать Польшу до самого Польшка и Смоленска» [6, с. 474]. Образ Юзи можно рассматривать как прототип аполитичных народных масс, которые должны выбрать политику большевиков, воплощенную в образе Матея. Младенца Юзи и ее мужа Ромуса Робейко зовут Наполеон. Это имя является аллюзией на образ императора, желавшего подчинить Европу, и символизирует польские захватнические амбиции. Как известно, польские патриоты мечтали о восстановлении Речи Посполитой с помощью Наполеона. Ребенок умирает от недоедания, что может быть интерпретировано как нежизнеспособность национальной идеи в представлении большевиков. Напротив, дети от Матея, о которых он упоминает в конце романа, «уже учатся и уже умеют петь “Интернационал”». Политическая направленность – важнейшая в воспитании подрастающего поколения с точки зрения отца-большевика. Упоминание «Интернационала» также можно считать аллюзией, ведь песня была создана Эженом Потье после разгрома Парижской коммуны во Франции в 1871 г. Таким образом, прослеживается прямая аналогия с заглавием и событиями романа. То, что подрастающее поколение поет «Интернационал», прогнозирует крах панской Польши, в которой оказывается семья Матея.

Революция в Германии, отход немцев активизируют стремление поляков захватить власть в городе: «Оружие польские организации доставали у немцев в неограниченном количестве – за согласие не мешать им вывозить как военное, так и гражданское имущество» [6, с. 500]. Вместе с немцами «бежали и литовская тарига и белорусская рада» [6, с. 501]. Сотрудничество с оккупантами выступает у рассказчика главным козырем против идеи национального движения. Большевики, ожидая прихода Красной Армии, формируют в городе собственные вооруженные силы.

Кульминацией романа становится открытый бой между польскими националистами и большевиками. Силы большевиков сосредоточены в клубе на Вороньей улице, откуда их пытаются выбить поляки. Большевики уверены, что «поднимутся рабочие, многие выйдут с оружием в руках, забастует весь город!

Красная Армия, понятно, поспешит на выручку» [6, с. 509]. Однако во время боя «все ждали помощи с воли, но она так и не подошла. Не могли понять почему» [6, с. 516]. На этот вопрос в романе так и не дан ответ, что способствует появлению различных читательских интерпретаций. Большевики, очевидно, не являлись такой влиятельной политической силой в городе, как им представлялось. Рушатся их надежды на поддержку народных масс, которые предстают аполитичными, поглощенными лишь материальными интересами. Национальный вопрос, видимо, все же находил много приверженцев среди рабочих.

Отец Матея прорывается к полку Красной Армии и зовет на помощь защитникам клуба. Однако командиры полка не спешат немедленно на помощь, а долго «вдаются в разные мелочи» [6, с. 529]. В результате Красная Армия подходит поздно, когда многие коммунары на Вороньей погибают, а остальные, в их числе и Матей Мышка, сдаются в плен. Красной Армии удается удерживать город только в течение трех дней, после чего Вильно вновь захватывают польские легионеры.

Последние страницы романа посвящены судьбам героев, о которых Матей сообщает читателю. Тем, кому удалось эмигрировать или нелегально сбежать в СССР, занимают достойные должности, получают пенсии. Только Туркевичу, который всегда разговаривал по-белорусски, не удалось восстановиться в партии, хотя он и ездил по этому вопросу в Москву. Причиной были «его бывшие шашни с белорусскими националистами в Вильно. Как говорится – “Коготок увяз – всей птичке пропасть...”» [6, с. 540]. Рассказчику непонятно желание Туркевича взять с собой в дорогу не еду, а «Жалейку» Я. Купалы. Любовь к национальной культуре по-прежнему предстает для рассказчика «болезнью» и «блажью». Однако, как известно, первый сборник Я. Купалы содержал программное стихотворение поэта «А хто там ідзе?», которое долгое время считалось неофициальным белорусским гимном и на сегодняшний день переведено на 82 языка. Таким образом, в романе содержанию «Жалейки» противопоставлен международный пролетарский «Интернационал», который призывал к уничтожению «старого мира». Позиция рассказчика нивелирует ценность национальной идеи в глазах читателя. Уничтожение «старого мира» и построение «нового» трактуется как разрушение классового неравенства и создание нового справедливого общества, что во многом не соответствовало действительности. В СССР на смену царской аристократии пришла партийная верхушка, условия жизни которой отличались от повседневности простых граждан. «Старый мир» также можно рассматривать и как носителей прежних ценностей и традиций, которых новая власть безжалостно уничтожала.

В романе связь с националистами предстает более серьезным преступлением, чем принадлежность к партии меньшевиков. Отцу Матея, перешедшему в компартию, удастся эмигрировать и устроиться в Минске на кожевенном заводе. Свое знание о судьбе бывших друзей и соратников в Советской России рассказчик сопровождает словами «как слышно», «кажется», что еще более усиливает степень недостоверности излагаемой информации. Возможно, автор, отбывая срок в ссылке, надеялся, что читатель будет в состоянии представить истинную судьбу тех, кому удалось вырваться из панской Польши.

Новая повседневность родных мест в глазах рассказчика ничем не отличается от царской и оккупационной: «Как и в годы моего детства, там и теперь кривые улочки с пылью и смрадом летом, с грязью по колено осенью и весной, покряхтывавшие хатки, сорванные с петель ворота, прогнившие тротуарчики в одну-две доски» [6, с. 541]. Перемены только в одном: «вместо одного царского урядника здесь теперь множество полициантов и шпиков, а вместо одной царской монополюшки – десяток “рестораций”» [6, с. 541]. В Вильно «кризис, безработица, фашистская реакция» [6, с. 542]. Таким образом, изображенная в романе повседневность панской Польши обладает всеми признаками мифологического «мертвого мира», где даже отказывается функционировать земля, порождая лишь «чахлые деревца».

Но ситуация, как полагает Матей, уже не так безнадежна, как прежде: «теперь-то мы кое-чему научены, и Пример, Великий Пример, стоит у нас перед глазами, рядом, совсем недалеко от нас» [6, с. 542]. Действительно, жизнь в Советском Союзе многим представлялась в радужных тонах: «Пресловутая белорусизация, проводимая в БССР, возбуждала огромные симпатии у белорусов в Польше. А эти симпатии, в свою очередь, толкали их к борьбе за объединение Западной Беларуси с Восточной» [8, с. 464]. Здесь очевидна дистанция авторской позиции и точки зрения рассказчика. Автор попал под первую волну репрессий (1930–1932), в его ментальности неумолимо должна была произойти переоценка ценностей. По воспоминаниям современников, «Гарэцкі скардзіўся, што цяжка пісаць да друку, бо трэба ўвесь час думаць, “каб не зрабіць якой памылкі ў асвятленні”» [12, с. 67].

Заключение. Роман «Виленские коммунары» сосредоточен на изображении совокупности различных видов повседневности: пространственной (соотнесенной с локусом – определенным местом пребывания героев), повседневности героев в личном и социальном пространстве, исторической – царской и оккупационной, выполняющих обличающую роль и формирующих негативное отношение к ним читателя. Повседневность рабочих и крестьян носит обобщающий характер и свидетельствует о бедственном положении, требующем скорого разрешения. В социальном пространстве рассказчика-большевика профессиональная повседневность уступает повседневности революционера. Социальное пространство превалирует над личным пространством и определяет его. Революционная деятельность становится виталь-

ной ценностью. Однако личная система ценностей рассказчика, обусловленная политическими взглядами, зачастую вступает в противоречие с общечеловеческой системой ценностей. Образ Матя Мышки обнаруживает расхождение на ментальном, вербальном и поведенческом уровнях изображения и дискредитирует образ большевика.

С одной стороны, роман занимает позицию сервиллизма по отношению к существующему в момент его создания социальному мифу о национальном вопросе как вторичном по отношению к вопросу о политической и партийной направленности, о революции как необходимом событии в построении справедливого общества. С другой стороны, повествование от первого лица позволяет автору романа дистанцироваться от точки зрения рассказчика-большевика, которую, очевидно, прежде разделял и сам автор. Читатель советской эпохи принимал данную точку зрения, что подтверждают и литературоведческие исследования той поры, тогда как современный читатель, обладая иным мировоззрением и историческим знанием, относится к ней критически и выстраивает собственное отношение к событиям романа. Современная особенность восприятия «Виленских коммунаров» заключается в том, что идея национального самоопределения является социальным мифом для рассказчика-большевика, тогда как для читателя наших дней очевидна утопичность революционных идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич, П.С. Социальная мифология / П.С. Гуревич. – М. : Мысль, 1983. – 175 с.
2. Мифология и идеология СССР. Сахаровский центр: Москва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sakharov-center.ru/museum/expositions/mithology-ussr.html>. – Дата доступа: 12.04.2018.
3. Губская, О. Жизнь, воплощенная в слове / О. Губская // Неман. – 2013. – № 2. – С. 144–159.
4. Лелеко, В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре : моногр. [Электронный ресурс] / В.Д. Лелеко. – Режим доступа: <http://refdb.ru/look/2937078.html>. – Дата доступа: 12.04.2018.
5. Иоскевич, М.М. Повседневность в художественном тексте как разрушение социального мифа (на материале романа Т. Гартного «Сокі цаліны») / М.М. Иоскевич // Literature, language and culture influenced by globalization : Monograph. / ed. by L. Shlossman. – Vienna : “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, 2017. – Vol. 11. – P. 22–38.
6. Горецкий, М. Избранное: повести, роман-хроника / М. Горецкий ; сост., вступ. ст. и коммент. М.И. Мушинского. – Минск : Маст. літ., 1989. – 544 с.
7. Вдовин, А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа / А.И. Вдовин. – М. : Вече, 2013. – 624 с.
8. Тарас, А. Краткий курс истории Беларуси. IX–XXI вв. / А. Тарас. – Минск : Харвест, 2016. – 544 с.
9. Бочкарева, И.Б. Национальный вопрос в программных установках большевиков в дооктябрьский период / И.Б. Бочкарева [Электронный ресурс] // Известия Алтайского государственного университета. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-vopros-v-programmnyh-ustanovkah-bolshevikov-v-dooktyabrskiy-period>. – Дата доступа: 12.04.2018.
10. Сталин, И.В. Марксизм и национальный вопрос [Электронный ресурс] / И.В. Сталин. – Режим доступа: <http://www.petrograd.biz/stalin/2-19.php>. – Дата доступа: 12.04.2018.
11. Ленин, В.И. Критические заметки по национальному вопросу [Электронный ресурс] / В.И. Ленин. – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/Критические_заметки_по_национальному_вопросу_\(Ленин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Критические_заметки_по_национальному_вопросу_(Ленин)). – Дата доступа: 12.04.2018.
12. Дасаева, Т.М. Летапіс жыцця і творчасці Максім Гарэцкага / Т.М. Дасаева. – Минск : Навука і тэхніка, 1993. – 87 с.

Поступила 26.04.2018

SOCIAL MYTH VERSUS NATIONAL ISSUE IN THE NOVEL «VILNA COMMUNARDS» BY M. HARECKI

M. IOSKEVICH

The aim of this article is to reveal the attitude to social myth within the triad «author – hero-narrator – reader» based on the novel «Vilna Communards» by M. Harecki. On the one hand, the novel takes the position of servility in relation to existing at the time of its creation social myth about the national issue as secondary to the issue of political orientation and the revolution as a necessary event in the construction of a just society. On the other hand, the first-person narrative allows the author of the novel to distance from the point of view of the Bolshevik-narrator, which, obviously, was previously shared by the author himself. The reader of the Soviet era embraced this point of view, while the modern reader, having a different outlook and historical knowledge, refers to it critically and forms his own attitude to the events of the novel. A modern feature of the perception of «Vilna Communards» lies in the fact that the idea of national self-determination is a social myth for the Bolshevik-narrator, while revolutionary ideas are utopian for the reader of our time.

Keywords: *the social myth, the national question, the triad «author – hero-narrator – reader».*